

УДК 655.552

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.236-250

**«ПОСЛЕДНИЙ ГЕНИЙ...»,
ИЛИ СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ ГЕРОЕВ
(о биографии Юрия Кнорозова)**

[Рец. на кн.: *Ершова Г.Г.* Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. – М.: РГГУ, 2019. – 798 с.]

Д.Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рецензируется первая объемная биография Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999), написанная его ученицей Г.Г. Ершовой. Главным и международно признанным достижением Ю.В. Кнорозова является дешифровка письменности древних майя в 50-е годы XX в. и ее продолжение – перевод всех сохранившихся манускриптов майя. Ю.В. Кнорозов в течение 30 лет возглавлял группу дешифровки древних письменностей в Кунсткамере, пытаясь разработать концепцию этнической семиотики – комплексной научной дисциплины, которая разрабатывала проблемы развития человеческого мышления, выражаемого в различных знаковых системах. Важнейшим достоинством биографии является разрешение двух мифологизированных самим Ю.В. Кнорозовым эпизодов его жизни. Во-первых, это обстоятельства, при которых он обратился к дешифровке письменности майя, и во-вторых, происхождение словарей и факсимильных изданий кодексов майя, на основе которых была осуществлена дешифровка. Несмотря на существенные упущения, биография позволяет ставить вопросы и отыскивать подходы к реконструкции интеллектуального наследия Ю.В. Кнорозова в комплексе. Одной из важнейших проблем является исследование теории фасцинации в контексте философских работ Б.Ф. Поршнева и Г.П. Щедровицкого.

Ключевые слова: Юрий Валентинович Кнорозов, Галина Гавриловна Ершова, этническая семиология, дешифровка забытых письменностей, майянистика, научная биография

В 2019 г. специалисты и все интересующиеся вопросами мезоамериканских исследований получили сразу два объемных компендиума, посвященных научным трудам и биографии Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999). Во-первых, это почти 600-страничные «Избранные труды» (К4), выпущенные Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) под редакцией М.Ф. Альбедиль – ученицы и многолетней сотрудницы в деле дешифровки хараппской письменности [1]. На Московской книжной ярмарке прошла презентация давно ожидаемой книги еще одной ученицы Ю.В. Кнорозова – Галины Гавриловны Ершовой, «Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого» (Посл.ген.), изданной Российским государственным гуманитарным университетом, в стенах которого автор руководит Мезоамериканским учебно-научным

центром имени Ю.В. Кнорозова. Подготовка ее к печати заняла двадцать лет (Посл.ген., с. 9–10). Г.Г. Ершова с начала 2000-х годов публиковала разнообразные материалы о Ю.В. Кнорозове [2–7], и книга стала их закономерным продолжением.

Согласно Л.П. Репиной, «реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [8, с. 301–302]. Книга Г.Г. Ершовой находится в предметном поле интеллектуальной истории. Определение этой последней двойственно: с одной стороны, это история интеллектуалов, с другой – социальная история, в которой во главе угла поставлено изучение самого мыслящего субъекта и его межличностных связей. Неслучайно, что на практике хрестоматийные биографии, заложившие, в том числе, основу жанра либо восприятия героя в историографии, создавались представителями ближайшего окружения изображаемого. Таков Джеймс Босуэлл (1740–1795), вся слава которого основана на «Жизни Сэмюэля Джонсона»¹ (1791). Для русской интеллектуальной культуры значительный пласт примеров дает нам литература и философия, причем зачастую авторами биографий становились женщины-спутницы выдающихся деятелей – родственницы или ученицы. Автор этих строк в первую очередь вспоминает опыт Азы Алибековны Тахо-Годи², Лидии Вячеславовны Ивановой³ и Ольги Александровны Шор (Дешарт)⁴, связанных общей судьбой с Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866–1949) и Алексеем Федоровичем Лосевым (1893–1988).

Переходя к разбору «Последнего гения XX века», следует сразу отметить, что автор книги никоим образом не отделяет себя от объекта описания. Весьма характерно в этом отношении предисловие, красноречиво озаглавленное «Авторское отношение к содержанию»: «...Юрий Валентинович предложил мне однажды записать его версию ключевых событий, заметив, что для него это чрезвычайно важно, поскольку иначе “после смерти журналисты всё переврут”. <...> Я сама была свидетелем многих событий и знаю, что говорящие о нем люди – не лгут. А из документов иногда возникает и вовсе иная картина» (Посл.ген., с. 9).

Личностная нота продолжается, скорее, в литературном, а не научном ключе. Описана история знакомства Галины Гавриловны с Юрием Валентиновичем в 1979 г., завершаемая фразой: «С этого момента я обрела Учителя» (Посл.ген., с. 15). Необходимо отметить, что введение Г.Г. Ершовой вполне может быть сопоставлено и с увертюрой, сосредотачивающей все темы и лейтмотивы, поэтому, дабы не повторяться в дальнейшем, приведем еще одну цитату: «Многие события... проходили... при участии моем или членов моей семьи. Поэтому изложение включает и повествование от первого лица. При написании биографии,

¹ Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона = The life of Samuel Johnson: Отрывки из кн. с прил. избр. произведений Сэмюэля Джонсона / Сост., предисл., пер. и примеч. А. Ливерганта. М., 2003. 188 с.

² Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 1997. 460 с.

³ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. 432 с.

⁴ Дешарт О. Предисловие // Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель. Т. 1. 1971. С. 7–227.

безусловно, логичным кажется хронологический принцип представления событийного ряда. ...Несколько сюжетов строятся в целом вокруг научной проблемы, а не хронологии. В результате сложилось так, что предлагаемый текст, который писался очень долго в силу ряда причин, в целом носит разножанровый, неизбежно страдающий от эклектики характер» (Посл.ген., с. 21).

Во введении нашлось место для описания некоторых личностных особенностей героя биографии (Посл.ген., с. 17), а также перечисления лиц, участвовавших в сборе материалов или предоставивших свои свидетельства. 212 страниц из 798 занимают двадцать пять приложений, в том числе список публикаций Ю.В. Кнорозова (Посл.ген., с. 588–599), отличающийся от напечатанных в изданиях Кунсткамеры (Пакш.; Шаск.). Ряд приложений продолжает описание архива Ю.В. Кнорозова в библиотеке Думбартон-Окса (Посл.ген., с. 600–610), за которым следует никогда не публиковавшаяся «Поэма» трех братьев Кнорозовых, сочиненная в честь победы в Великой Отечественной войне (Посл.ген., с. 611–650). Остальную часть приложений занимают личные воспоминания родственников и иных лиц из окружения Ю.В. Кнорозова – расшифровка интервью, снабженных самым минимальным пояснением в подзаголовке. Среди них выделяются «Заметки к биографии Юрия Валентиновича Кнорозова» А.М. Плунгяна (Посл.ген., с. 675–685), суждения которого широко используются по тексту биографии. Помимо интервью и заметок коллег (И.Ф. Хорошаевой, Л.Т. Мильской) опубликована также заметка научного руководителя Ю.В. Кнорозова С.А. Токарева из журнала «Смена» – это первая популярная публикация о достижениях Юрия Валентиновича (Посл.ген., с. 720–721).

Особое место занимает фрагмент из мемуаров И.К. Фёдоровой (1934–2010), посвященный участию Ю.В. Кнорозова в дешифровке ронго-ронго (рапануйской письменности или протописьменности) и раскрывающий его роль как специалиста по дешифровке древних письменностей (Посл.ген., с. 722–735). Сразу за этим фрагментом следуют «Байки бывшей аспирантки» (Елены Станиславовны Соболевой, сотрудника Музея антропологии и этнографии (далее МАЭ)); их значительную часть составляют материалы статьи «Тихоокеанские интересы Ю.В. Кнорозова», опубликованной в собрании его избранных сочинений 2018 г. (К4, с. 486–495), и расшифровка видеointerview Вяч. Вс. Иванова для фильма Г.Г. Ершовой о Ю.В. Кнорозове (Посл.ген., с. 748–761). Приведены краткие и более пространственные свидетельства дальнего окружения ученого (в том числе археолога В. Гуляева) и зарубежных коллег, знавших Юрия Валентиновича в последние годы его жизни. Ценность данных материалов различна, тогда как их публикация во многих отношениях способна значительно дополнить издание «Избранных сочинений».

К несчастью, наличие столь мощного корпуса первоисточников не способно заменить полного отсутствия библиографии и указателей в книге, которая сосредотачивает огромный пласт имен и локаций. Ссылки на цитируемые книги, статьи и электронные издания даны лишь в примечаниях внизу страниц; сводная библиография отсутствует.

В известном смысле отсутствие библиографии объясняется в автобиографических пассажах автора: источниковая база биографии Г.Г. Ершовой явно неполна и неравномерно фундирована. Связано это с рядом деликатных обстоятельств,

в которых очень нелегко отделить личное от всего остального. Именно здесь необходимо обратить внимание на сюжет, который следует считать сквозным и главным, и для раскрытия которого автор использует набор мифов, «характерный для профанной массовой культуры» (К4, с. 23). Дабы не тиражировать их, перечислим лишь страницы, на которых описаны семейные обыкновения и быт Ю.В. Кнорозова, его деловые и личностные качества (Посл.ген., с. 84–85, 133–134, 325–327, 387–389, 402–403, 409–412, 435, 484–485, 515, 526, 530–531, 536–537, 574–578). Прорываются и (мягко скажем) неоднозначные отношения с дочерью исследователя – филологом-вьетнамистом Е.Ю. Кнорозовой (Посл.ген., с. 424, 534, 579–581)⁵, хотя автор вынуждена признать, что о кончине учителя узнала именно от нее (Посл.ген., с. 577). Соответственно, многократно тиражируемое утверждение о кончине всеми забытого Ю.В. Кнорозова в коридоре больницы [2, с. 150; 3, с. 489; 5, р. 23] с успехом опровергается как Е.Ю. Кнорозовой и ее дочерью А.А. Масловой (К4, с. 20), так и простым сопоставлением дат и фактов. Причиной всего перечисленного служит явно высказанная Г.Г. Ершовой «монополия» на личность и наследие учителя, что откровенно описано во фрагментах, посвященных совместным зарубежным поездкам в 1990–1997 гг. (Посл.ген., с. 491, 493, 517, 553). Создание карикатурного образа ученого, совершенно непрактичного житейски, опустившегося в 90-е годы в личностном и бытовом плане, необходимо для демонстрации того, что ни он сам, ни его близкие не в состоянии были заботиться о гении должным образом и разумно распорядиться его наследием.

Говоря об архивных материалах, положенных в основу книги, необходимо уточнить, что Ю.В. Кнорозов еще в 1993 г. составил завещание, по которому всё имущество, «где бы таковое ни находилось и в чем бы оно ни заключалось», переходило внучке Анне Масловой (К4, с. 19), упоминает об этом и сама Галина Гавриловна (Посл.ген., с. 485). Однако на следующий день после известий о кончине учителя Г.Г. Ершова со своими коллегами из Москвы прибыла на квартиру совершенно деморализованной вдовы, откуда забрала архив Юрия Валентиновича. Далее была весьма темная история с привлечением правоохранительных органов (Посл.ген., с. 478–479). В биографии отца и деда это описано с предельной лапидарностью: «Целостность архива Ю.В. Кнорозова оказалась нарушена, так как его значительная часть незаконным образом оказалась в Москве» (К4, с. 20). Разделение сказалось на качестве биографии ученого не лучшим образом, о чем мы сообщим чуть ниже.

Само заглавие книги постулирует жизнеописание гения; и в первой же главе автор делает попытку выявить корни кнорозовской гениальности и обстоятельства ее формирования и развития. Попытки отыскать корни гениальности на генетическом уровне (первая глава названа «Гены гения») оказались нам не слишком убедительными. Долгие описания жизни старообрядцев Устюга (Посл.ген., с. 27–37), из среды которых происходила мать Ю.В. Кнорозова –

⁵ Екатерина Юрьевна Кнорозова (р. 1960) окончила Восточный факультет ЛГУ (1982), кандидат филологических наук (1988). В настоящее время – доцент Восточного факультета, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Единственный в России специалист по классической вьетнамской литературе. В утверждении Г.Г. Ершовой (Посл.ген., с. 424) либо грубая опечатка, либо сознательная перестановка дат.

Александра Сергеевна Макарова, вероятно, должны были компенсировать скудость документальных материалов. К сожалению, текст не имеет прямого отношения к жизни ученого и смело мог быть элиминирован⁶. То же касается повествования о бабушке Ю.В. Кнорозова по отцовской линии – армянской актрисе Мариам Давидовне Сахавян (Посл.ген., с. 39–45). Этот сюжет отличается от представленного в ранних биографиях Ю.В. Кнорозова [2, с. 138; 3, с. 474].

По-настоящему глубоко можно было бы развернуть пассажи о педагогическом эксперименте четы Кнорозовых – Валентина Дмитриевича и Александры Сергеевны. Увлекаясь учением В.М. Бехтерева и методами В.Н. Сороки-Росинского, родители сумели в весьма неблагоприятную историческую эпоху провести на своих пятерых детях уникальный педагогический эксперимент. Все четверо братьев добились ученой степени доктора наук, сестра Галина – кандидата наук, двое братьев (включая Юрия) удостоились Государственной и Ленинской премий (Посл.ген., с. 65, 70; К4, с. 7). К сожалению, именно в этой части мы впервые сталкиваемся с ситуацией, когда личные предпочтения и взгляды Г.Г. Ершовой вступают в конфликт с ее же добросовестностью как исследователя, призванного не упустить имеющиеся факты и дать им корректное истолкование. Проявляется это следующим образом: одной из составляющих методики В.Н. Сороки-Росинского являлась интерпретация детских рисунков. Благодаря потомкам сестры Галины архив детских рисунков Ю.В. Кнорозова сохранился и доступен для исследователей (Посл.ген., с. 63). При описании творчества 5-летнего Юрия демонстрируется некий змей с подписью «Паленка» и изображение существа голубого цвета с надписью «танкас». Далее утверждается, что оба этих слова имеют отношение к древним майя (Паленке – знаменитое городище; *танкас* – Млечный Путь), и более сей факт не комментируется. Абзацем ниже описан рисунок (есть и репродукция), иллюстрирующий космические полеты (в 1927 г.), с пояснением, что пяти- или шестилетний Юра мог быть знаком с повестью К.Э. Циолковского «На Луне» (Посл.ген., с. 65–67).

Проблема (по крайней мере, с нашей точки зрения) заключается в том, что Г.Г. Ершова не скрывает серьезного отношения ко всякого рода оккультным феноменам. В частности, в книге 2002 г. присутствует глава с красноречивым названием «Как стать нагуалем? Колдовской опыт индейцев», практически лишенная рационального содержания [2, с. 89–105] и предшествующая главам о майя и Ю.В. Кнорозове. Известен интерес Г.Г. Ершовой к «феномену ламы Итигелова», статья о котором написана с точно таких же позиций и так же хаотична по структуре, как и публикации о Ю.В. Кнорозове [6]. Указанные пассажи при желании можно интерпретировать как намек, что Ю.В. Кнорозов – своего рода «майянский шаман-перерожденец». К сожалению, разъяснений об источниках, откуда Ю.В. Кнорозов мог почерпнуть визуальные и слуховые представления об индейцах майя в детстве, Г.Г. Ершовой не приводится, хотя пример

⁶ Ряд ничем не мотивированных отступлений, разбивающих и без того рыхлую структуру повествования, показателен: о Марии Кюри (Посл.ген., с. 35, 48, 50), С.В. Ковалевской (почему-то названной «основательницей математического анализа») (Посл.ген., с. 36), о Г. Шелихове и колонизации Аляски (Посл.ген., с. 32–34), о политических переворотах на Украине, произошедших в 1917–2014 гг. (Посл.ген., с. 53–55). Представлен и удивительный пассаж о К. Малевиче (Посл.ген., с. 37).

с К.Э. Циолковским вполне показателен⁷. Не менее показательны пассажи про, якобы, присущие Ю.В. Кнорозову экстрасенсорные способности и дар целительства, (Посл.ген., с. 78–79, 99, 121, 124, 181), опровергаемые родственниками и лично знавшими его коллегами.

В книге дана не слишком последовательная и оттого неубедительная попытка вписать Ю.В. Кнорозова в политическую коллизию XX в. Это прямо противоречит важнейшим свойствам личности, зафиксированным в главах о молодости: Юрий Валентинович по складу личности и вследствие семейного воспитания был ярко выраженным «неколлективным» интровертом, который категорически не умел работать «в команде», и которому так никогда и не удавалось заставить себя быть «публичным человеком», особенно в ситуации, требовавшей эмоционального напряжения (Посл.ген., с. 73, 84). В книге множество пассажей, в которых чуть ли не восхваляется сталинизм, при одновременном осуждении Н.С. Хрущёва и М.С. Горбачёва, а также деятелей науки и культуры, которые осмеливались иметь собственную позицию (Посл.ген., с. 76, 129, 131–135, 143, 307, 484) (этот ряд можно продолжать). Это дополняется множественными хвалебными высказываниями по адресу современной науки в РФ с упоминанием еще и современных политиков, которые ни к личности, ни к наследию Ю.В. Кнорозова заведомо не имели никакого отношения (Посл.ген., с. 24, 585–586).

Не менее поразительны определения самого Ю.В. Кнорозова как «дитя сталинского времени»⁸ и «отважного солдата холодной войны» (Посл.ген., с. 583). Дважды выжившего в «котлах» Великой Отечественной войны (под Черниговом в 1941 г. и при попытке советских войск деблокировать Харьков в 1942 г.), Ю.В. Кнорозова начальство не пожелало переводить в МГУ, и понадобилась протекция его отца – высокопоставленного чиновника из ведомства военного строительства (Посл.ген., 110–112). «Пребывание на оккупированных территориях» и в дальнейшем отравляло существование Юрия Валентиновича. Даже призыв негодного к строевой Ю.В. Кнорозова в армию (в небоеую часть) был связан с доносом на всё то же пребывание на оккупированной территории (Посл.ген., с. 177). Нельзя было умолчать и о судьбе расстрелянного отца соседа Ю.В. Кнорозова по общежитию – знаменитого этнографа-тюрколога С.И. Вайнштейна (Посл.ген., с. 143). Собственно, две главы – пятая и седьмая – посвящены академическим мытарствам «последнего гения XX в.» в эпоху позднего сталинизма. Как минимум дважды ему было отказано в поступлении в аспирантуру, причем в последний раз – уже после отличного окончания Вечернего университета марксизма-ленинизма и расшифровки письменности майя (Посл.ген., с. 206, 212–213). Из-за невозможности оставаться в Москве лишь с величайшим трудом наставники и покровители Ю.В. Кнорозова – С.П. Толстов и С.А. Токарев – пристроили его в разоренный во время ленинградской блокады Музей этнографии народов СССР на должность «выбивателя пыли из туркмен-

⁷ Между прочим, в дореволюционной и послереволюционной России существовал определенный круг популярной литературы о Мезоамерике. Например, автору этих строк вспоминаются две книжки для детско-юношеской аудитории: Алтаев Ал. В волшебной стране ацтеков. М., 1912. 224 с.; Егоров Д.Н. Записки солдата Берналя Диаза: в 2 ч. Л.: Брокгауз-Ефрон. Ч. 1: В погоне за золотом. 1924. 196 с.; Ч. 2: Золото и смерть. 1925. 214 с., по которым он сам знакомился с миром мексиканских индейцев (параллельно с «Историей доколумбовых цивилизаций» М. Галича в переводе Г.Г. Ершовой, под редакцией Ю.В. Кнорозова (М., 1990. 407 с.)).

⁸ У Г.Г. Ершовой имеется и специальная статья с аналогичным названием [7].

ских ковров» из коллекции подарков И.В. Сталину к его юбилею (Посл.ген., с. 167). Всего через полгода после начала работы в Ленинграде Ю.В. Кнорозов пережил арест своего друга Л.Н. Гумилёва (Посл.ген., с. 183, 213, 293). По сведениям, приводимым Г.Г. Ершовой, оба руководителя и покровителя Ю.В. Кнорозова предполагали, что подготавливаемая им диссертация будет на соискание докторской степени, минуя кандидатскую. Однако, по свидетельствам родственников, передаваемым Г.Г. Ершовой, он «шел на защиту, не зная, чем она кончится, вполне возможно, что арестом» (Посл.ген., с. 229)⁹.

Главные общепризнанные достижения Ю.В. Кнорозова относились к короткому периоду «оттепели»: в 1955 г. была защищена диссертация и вышел в свет выполненный им перевод «Сообщения о делах в Юкатане» (Д.Л.), причем диссертация, собственно, была предисловием к переводу. Монография «Письменность индейцев майя» (К1) была подготовлена к печати еще в 1957 г., глубокий разбор книги представил выдающийся историк В.В. Струве (Посл.ген., с. 294–296). Единственный выезд Ю.В. Кнорозова за границу – на три дня августа 1956 г. для участия в XXXII Международном конгрессе американистов в Копенгагене – являлся прямым следствием XX Съезда КПСС (Посл.ген., с. 272, 274–275). Можно сказать, что успех Ю.В. Кнорозова полностью отвечал задачам нового, хрущёвского курса, в том числе известному лозунгу «Догнать и перегнать!» Между прочим, этот аспект деятельности Юрия Валентиновича прекрасно осознавали его покровители. С.П. Толстов еще в 1950 г. писал в обосновании для поступления Ю.В. Кнорозова в аспирантуру АН СССР: «Эта работа (дешифровка письма майя. – Д.М.), когда она будет доведена до конца, составит славу советской науки и подтвердит наглядным образом ее превосходство над зарубежной буржуазной наукой даже в такой области как изучение древнеамериканской письменности, над которой десятилетиями работают лучшие американские специалисты» (Посл.ген., с. 210).

Своим приоритетом Ю.В. Кнорозов гордился, писал об этом сразу после совершенного им открытия С.А. Токареву, и это письмо было полностью процитировано в очерке А.А. Аграновского, увидевшем свет в 1958 г. [9, с. 52]. Однако далее оказалось, что Ю.В. Кнорозов «неудобен»: он не отличался гибкостью, не имел навыков публичной персоны, а в брежневское время оказался, по сути, не нужен. Это не отменяло дальнейшего его признания: положенных наград и давно заслуженной Государственной премии СССР за 1977 г. Тем не менее Ю.В. Кнорозов был невыездным¹⁰, его не выпускали даже на крупнейшие

⁹ В предельно упрощенном виде коллизия сводилась к тому, что в системе представлений догматизированной советской «пятичленки» иероглифическая письменность могла быть у народа на стадии развитого классового государства. Однако в одной из работ Ф. Энгельса мельком упоминалось, что древние майя были на стадии «варварства» и никакого государства у них не было. Доказав, что письменность майя в структурном отношении была такой же, как и древнеегипетская, Ю.В. Кнорозов мог быть обвинен ортодоксами в ревизии Ф. Энгельса. Вместо этого усилиями С.А. Токарева он превратился в символ превосходства марксистско-ленинской науки над «буржуазной».

¹⁰ Объяснение тому, что в течение трех десятков лет тормозились любые попытки заграничных командировок Ю.В. Кнорозова, автор находит в конфликте с историком В.А. Устиновым, вероятным сотрудником КГБ. Когда в 1962 г. будущий лауреат Нобелевской премии математик Л.В. Канторович выступил против приговора В.А. Устинову степени кандидата наук, он был помещен на принудительное лечение в психиатрическую больницу (Посл.ген., с. 319, 324, 330). Вообще поучительная история с «машинной дешифровкой» письма майя в Новосибирске в книге изложена более или менее обстоятельно, хотя и саркастически (Посл.ген., с. 303–325, 328–332).

научные мероприятия западных майянистов, хотя некоторые из них были организованы специально «под него» (Посл.ген., с. 395), кроме того [10, с. 113]. Попытка выйти за пределы майянистики – «этническая семиология» (КЗ) не была признана научным сообществом ни в СССР, ни за его пределами. Мировая слава пришла к Юрию Валентиновичу лично уже тогда, когда началось крушение СССР – в первую длительную поездку в Гватемалу его отпустили в 1990 г., а три его поездки в Мексику (1992, 1995 и 1997 гг.) и краткое пребывание в США в 1997 г. относились уже к новой эпохе в истории России.

К научным оппонентам Ю.В. Кнорозова Г.Г. Ершовой прилагается предельно субъективная оценка. Примеров здесь можно привести много, в том числе касающихся выдающихся западных майянистов, которые поддерживали ученого в тяжелые времена, особенно Майкла Ко (Посл.ген., с. 431). Ни слова нет о визите в Ленинград в 1970 г. Татьяны Проскуряковой (1909–1985)¹¹ – американской коллеги Ю.В. Кнорозова, хотя в ее биографии эти сведения приведены, в том числе со ссылкой на устное сообщение Г.Г. Ершовой [11, р. 156–157]. Весьма показателен пример И.Р. Григулевича¹². В вину ему поставлено то, что на выборах в АН СССР на соискание звания члена-корреспондента Ю.В. Кнорозов проиграл. Следуя той же логике, «солдат холодной войны» Ю.В. Кнорозов находился в подчиненном положении к офицеру службы внешней разведки, и никакой несправедливости в продвижении в Академию наук Иосифа Ромуальдовича здесь нет и быть не может. То, что Г.Г. Ершова, сама являясь профессиональным латиноамериканистом, ставит при упоминании И.Р. Григулевича «этнограф-американист» в кавычки, – тоже весьма показательно; так же как и выпад по адресу его «космополитического» происхождения (Посл.ген., с. 405–407). К несчастью, этот пример не единственный, но место не позволяет множить их далее.

Главной претензией рецензента к книге является то, что в массе разнохарактерных документов, свидетельств очевидцев и лично автора собственно научный гений Ю.В. Кнорозова нивелируется. Это можно проиллюстрировать простыми подсчетами: в 800-страничном томе непосредственно методу дешифровки Ю.В. Кнорозова посвящена одна глава (шестая: «Дешифровка: “скучная бухгалтерия”?»), объемом около 17 страниц (Посл.ген., с. 188–205). Автор этих строк, не будучи лингвистом, вынужден признаться, что ни из этой главы, ни из специальной книги Г.Г. Ершовой [4], несмотря на иллюстрации и примеры, он так и не понял сущности метода Ю.В. Кнорозова, за исключением того, что это действительно был научный подвиг, подлинный прорыв, доступный избранному. Мысль и логику Юрия Валентиновича, на наш субъективный

¹¹ Татьяна Авенировна Проскурякова была дочерью инженера-химика из Томска, который в 1915 г. был направлен с семьей в США для проверки качества закупаемых для фронта боеприпасов. Т. Проскурякова получила образование архитектора в Пенсильванском колледже, но, заинтересовавшись археологией, в ходе полевых исследований превратилась в признанного специалиста по искусству и истории древних майя, формально не имея базового исторического или лингвистического образования и ученой степени.

¹² Иосиф Ромуальдович Григулевич (1913–1988) – советский разведчик и ученый-латиноамериканист. Происходил из литовских караимов. По линии Коминтерна с 1930-х гг. работал в Испании и странах Латинской Америки, был причастен к организации убийства Л.Д. Троцкого. После Второй мировой войны работал в Италии, в 1952 г. был назначен послом Коста-Рики в Италии и Ватикане, что рассматривается как высшее достижение работы советской разведки. После 1956 г. на научной работе, участвовал в создании Института Латинской Америки АН СССР.

взгляд, гораздо лучше передал В.А. Кузьмищев (неоднократно порицаемый Г.Г. Ершовой) в научно-популярной статье для журнала «Наука и жизнь» [12]. Столь же скудно и односторонне освещены монографические издания Ю.В. Кнорозова и реакция на них в западной науке (Посл.ген., с. 276–283, 294–296, 324–325, 398). Очень интригует абзац на с. 398, в котором упоминается, что подготовленный Юрием Валентиновичем полный перевод иероглифических рукописей майя (К2) был сильно сокращен редакцией. Будем надеяться, что дальнейшая работа над рукописями в Думбартон-Оксе позволит приоткрыть завесу тайны над творческой кухней ученого.

Научная биография предполагает оценку достижений героя в контексте своей науки и ее дальнейшего развития. Если таковая для Ю.В. Кнорозова-майяниста едва ли может быть признана удовлетворительной, то для Ю.В. Кнорозова – лингвиста и руководителя темы этнической семиотики в МАЭ – она ниже всякой критики. Размах деятельности школы Ю.В. Кнорозова, которую он усердно создавал (Посл.ген., с. 383–385), способен поразить воображение: предполагалось осуществить общую теорию дешифровки, использующую в том числе методы математического моделирования и статистического анализа на ЭВМ, и ее верификацию на целом ряде недешифрованных древних письменностей, включая рапануйскую, древнеиндийскую, киданьскую и т. д. (К3). Однако реальная деятельность группы дешифровки заменяется, фактически, личными воспоминаниями и не всегда корректными этически описаниями конфликтов с коллегами в разные годы. По сути, нет анализа результатов работы, тогда как они были далеко не радужными: ни одно из предприятий Ю.В. Кнорозова, за исключением письма майя, до конца успешным не было. Попытки чтения и перевода табличек ронго-ронго, осуществленные в 1970–2000-е годы И.К. Федоровой, так и не были признаны мировым научным сообществом. Попытки чтения и перевода корпуса древнеиндийских надписей в 60–70-х годах XX в. также не привели к существенным прорывам и не стали сенсацией, сопоставимой с триумфами прежнего десятилетия, хотя вклад группы Ю.В. Кнорозова в западной науке оценивается исключительно высоко. Предпринятые в 1979–1990 гг. поездки Ю.В. Кнорозова на Курильские острова также дали двойственный результат: при всей ценности для изучения истории, этнографии и археологии древних айнов полученные материалы показали, что гипотеза наличия у айнов протописьменности, видимо, была ошибочной. Не удалось подтвердить и гипотезы о переселении народов Азии в Америку по курильскому направлению; хотя в отдаленной перспективе эта идея Ю.В. Кнорозова оказалась плодотворной. В монографии Ю.Е. Берёзкина (ныне – заведующего отделом этнографии Америки МАЭ) была вскрыта система мифологических мотивов, указывавшая на несомненное родство населения существовавшей когда-то Берингии – палеоазиатов с палеоиндейцами [13]. Ничего из этого на страницах книги Г.Г. Ершовой нет.

Достоинством и в то же время недостатком научной биографии Ю.В. Кнорозова в изложении Г.Г. Ершовой является истолкование ею теории фасцинации¹³, принадлежащей учителю. Более того, эта теория (в другом варианте –

¹³ Термин происходит от латинского *fascinatio* – «завораживание».

«теория коллектива» [12, с. 135]), безусловно, является ключом ко всей деятельности Юрия Валентиновича, позволяя понять предельное расширение им круга изучаемых языков и его интересы в области майянистики, как в теории языка, так и в практиках жертвоприношений и «формулы возрождения».

Подробное описание становления Юрия как ученого также позволяет подтвердить и перепроверить данную версию. В своих воспоминаниях Вяч. Вс. Иванов сообщал, что Ю.В. Кнорозов как минимум со студенческих лет был увлечен идеей разрешить вопрос о том, как зоологическое сообщество трансформируется в человеческий коллектив [14, с. 84]. Интерес к древнейшим культурам и «ключу» к мышлению, зашифрованному в письменности, в этой связи совершенно понятен. Еще обучаясь в Харьковском университете (два курса в 1939–1941 гг.), Ю.В. Кнорозов серьезно и глубоко занимался египетским языком и иероглификой и продолжил эти занятия в первый год после своего перевода в Москву. Однако переход его к шаманским практикам (и дипломная работа о зикре в Хорезме) и к индейцам Мексики следует считать совершенно закономерным. Судя по свидетельствам Вяч. Вс. Иванова и А.М. Плунгяна, Ю.В. Кнорозов искал в истории примеры максимально эффективных форм организации, использующей фасцинацию (Посл.ген., с. 132–133, 347–348). Вполне возможно, что он рассчитывал отыскать в текстах древних майя технологии шаманской фасцинации и понять механизмы коллективной суггестии (воспользуемся термином Б.Ф. Поршнева [15, с. 439–443]), лежащей в основе мужских союзов со времен палеолита. Это не преувеличение: Г.Г. Ершова определенно сообщает, что Ю.В. Кнорозов крайне не любил абстрактного теоретизирования и мыслил в высшей степени практически, на уровне проекта. То, как это подано ею в биографии ученого, однако, способно запутать даже опытного читателя. Теория фасцинации преподносится как нечто, что «на порядки опережало состояние гуманитарных наук» (Посл.ген., с. 340), и в это нужно лишь верить, ибо биограф сути так и не разъясняет. Хотя реконструировать по опубликованным Юрием Валентиновичем в 1961–1973 гг. статьям, не дожидаясь материалов из Думбартон-Окса, эту идею вполне возможно. В данном контексте крайне неудобно для автора то, что кнорозовскую теорию ритма как основы фасцинации раскритиковал А.Н. Колмогоров, причем Г.Г. Ершова считает себя вправе заявить, что А.Н. Колмогоров ничего не понял, и его ответ Ю.В. Кнорозову «не очень уместен» (Посл.ген., с. 346). В контексте упоминаются имена Б.Ф. Поршнева и Л.Н. Гумилёва – и повисают в воздухе.

Согласно тому же воспоминанию Вяч. Вс. Иванова, Ю.В. Кнорозову «шаманизм... был нужен как часть некоторой общей концепции», которая обсуждалась и с Л.Н. Гумилёвым [14, с. 84]. Лев Гумилёв, насколько это известно, на практике общался с эвенкийскими и кетскими шаманами во время пребывания в Норильлаге в 1938–1943 гг. и далее – после окончания срока и до призыва в армию [16, с. 153–155, 266–267, 513–514]. К пребыванию Льва Николаевича в Камышлаг в 1952 или 1953 г. относится эпизод, несомненно, восходящий к его беседам с Ю.В. Кнорозовым. Суть такова: заключенного Гумилёва поставили в бригаду электриков, и бригадир стал свидетелем диспута на тему «Существует ли у муравьев рабовладельческий строй?» [16, с. 248–249]. Однако в дальнейших работах Л.Н. Гумилёва эти сюжеты развития не получили.

Имя Бориса Федоровича Поршнева и его главный труд «О начале человеческой истории» [15] в книге Г.Г. Ершовой упоминаются дважды (Посл.ген., с. 113–115, 382). Автор этих строк хорошо помнит собственные эмоции, когда впервые встретил это имя: сопоставление доктрин Ю.В. Кнорозова и Б.Ф. Поршнева еще никем не проводилось, а в контексте интеллектуальной истории чрезвычайно перспективно. Не менее перспективно сопоставить взгляды Ю.В. Кнорозова (в том числе то, что содержится в неопубликованных бумагах) и его ровесников – участников Московского методологического кружка, в первую очередь, Г.П. Щедровицкого [17; 18]. Мы полагаем, что параллели вполне могут быть обнаружены: вероятно, Ю.В. Кнорозова, как и Г.П. Щедровицкого, интересовали технологии суггестивного политического управления. Методология такого исследования как раз и была разработана Б.Ф. Поршневым, который в буквальном смысле заплатил за свою книгу жизнью. Профессор Б.Ф. Поршнев, выступая с позиции философа истории, весьма глубоко разработал и обосновал концепцию суггестии (внушения), которая в его понимании отличала человека от животного и фактически являлась внутренним движителем и механизмом истории. Человеческая история, следовательно, объяснялась не как процесс классовой борьбы, а как арена противостояния между последовательными сериями постоянно возникающих суггестий и контрсуггестий [19, р. 330–331]. Как видим, это чрезвычайно близко кнорозовской шаманской фасцинации, но едва ли он сам был в курсе разработок Б.Ф. Поршнева и смог сообщить нечто своим ученицам.

При всех высказанных и невысказанных замечаниях книга с сугубо технической стороны выполнена почти безупречно: этот том приятно держать в руках. При общем упадке современного книгоиздания на русском языке обращает на себя внимание ничтожно малое число технических ошибок и огрехов¹⁴. Тщательно подобранный иллюстративный материал содержит немало важных первоисточников и хорошо переключается с текстом. Как мы уже сообщили в самом начале, книга весьма полезна при использовании опытным специалистом-историком совместно с «Избранными трудами»¹⁵. Автор навела ясность в двух прежде сомнительных моментах биографии своего учителя: это – обстоятельства, при которых он обратился к дешифровке письменности майя (Посл.ген., с. 137–139), и информационный фундамент, на основе которого это стало возможным, то есть откуда у Ю.В. Кнорозова оказались необходимые ему словари, грамматики и текст «Сообщения о делах в Юкатане» 1566 г. (Посл.ген., с. 175–179, 202, 226). Еще большую ценность имеют многочисленные документы, скрупулезно воспроизводимые в тексте, особенно обнаруженная Е.А. Долговой в архиве ВАК полная стенограмма эпохальной защиты Ю.В. Кнорозова 29 марта

¹⁴ Лично мы обнаружили всего четыре (из которых две на одной странице): случайная опечатка в прозвище «Синухед» вместо «Синухет» (Посл.ген., с. 147); словарь исторической лексики майя *Diccionario Maya Cordemex* именуется по-русски «Кордомекс» (Посл.ген., с. 440); немецкая исследовательница Корнелия Курбьон (Kornelia Kurbjunn) названа «Корбьюн» (Посл.ген., с. 440); и при описании путешествия в Оахаку в 1992 г. курьезные «железнодорожные дороги» (Посл.ген., с. 525). Для сравнения: в издании 2007 г. «О начале человеческой истории» Б.Ф. Поршнева приложенный к книге список опечаток включал 7 страниц.

¹⁵ Между прочим, и это издание вызывает ряд вопросов: в частности, из-за отсутствия основополагающей статьи Ю.В. Кнорозова «Древняя письменность Центральной Америки» 1952 г., которая и заявляла приоритет в дешифровке.

1955 г. Этот документ по праву занял весь объем восьмой главы монографии (Посл.ген., с. 231–259).

Таким образом, впервые мы получили достаточно подробное и связанное, фундированное источниками повествование, охватывающее все события жизни Ю.В. Кнорозова, позволяющее ставить вопросы и отыскивать подходы к реконструкции его интеллектуальной биографии. Будет ли это следующей задачей автора и ее более молодых коллег, последует ли исправленное переиздание, – в сущности, уже неважно. Книга вышла в свет, сделавшись фактом историографии и интеллектуальной истории. И это гораздо лучше, чем если бы пришлось ожидать еще двадцать лет.

Источники

- Д.Л. – *Диего де Ланда*. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. со староисп. Ю.В. Кнорозова. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 328 с.
- Посл.ген. – *Ершова Г.Г.* Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. – М.: РГГУ, 2019. – 798 с.
- K1 – *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 664 с.
- K2 – *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. – Л.: Наука, 1975. – 272 с.
- K3 – Забытые системы письма. Остров Пасхи, Великое Ляо, Индия: Материалы по дешифровке / Ред.-сост. Ю.В. Кнорозов. – М.: Наука, 1982. – 300 с.
- K4 – *Кнорозов Ю.В.* Избранные труды / Сост. и отв. ред. М.Ф. Альбедиль. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 594 с.
- Пакш. – *Пакишина Н.П.* Список основных работ доктора исторических наук Юрия Валентиновича Кнорозова (к 70-летию со дня рождения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1993. – Вып. 1. – С. 202–207.
- Шаск. – *Шаскольская Т.И.* Библиография трудов Ю.В. Кнорозова // Кнорозов Ю.В. Избранные труды. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – С. 576–592.

Литература

1. *Давлетшин А.И., Беляев Д.Д.* Харалпский язык // Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии. – М.: Academia, 2010. – С. 186–196.
2. *Ершова Г.Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. – М.: Алетейя, 2002. – 392 с.
3. *Ершова Г.Г.* Юрий Валентинович Кнорозов // Портреты историков. Время и судьбы / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. – М.: Наука, 2004. – Т. 3: Древний мир и Средние века. – С. 474–491.
4. *Ершова Г.Г.* Майя. Тайны древнего письма. – М.: Алетейя, 2004. – 296 с.
5. *Ershova G.* Epigrafía maya. Introducción al método de Yury Knórosov / Traducción al español Guillermo Antonio Ovando Urquizú. – Guatemala: Centro Editorial Vile, 2013. – 344 p.
6. *Ершова Г.Г.* Духовный подвиг в истории буддизма России // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. – 2018. – Т.63, Вып. 4. – С. 1156–1176.
7. *Ершова Г.Г.* «Дитя сталинского времени»: О жизни и творческом наследии Ю.В. Кнорозова // Новый ист. вестн. – 2018. – № 3. – С. 135–155.
8. *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.

9. *Аграновский А.А.* Счастливые: Очерки о молодых советских ученых. – М.: Мол. гвардия, 1958. – 80 с.
10. *Корсун С.А.* Ю.В. Кнорозов: штрихи к научной биографии // Радловский сб.: Науч. исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 109–116.
11. *Solomon C.* Tatiana Proskouriakoff: Interpreting the Ancient Maya. – Norman: Univ. Okla. Press, 2002. – 218 p.
12. *Кузьмищев В.А.* История одного научного поиска // Наука и жизнь. – 1967. – № 9. – С. 129–135.
13. *Берёзкин Ю.Е.* Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. – М.: Общ. гуманист. изд., 2007. – 359 с.
14. *Иванов Вяч.Вс.* От буквы и слога к иероглифу: Системы письма в пространстве и времени. – М.: Яз. слав. культ., 2013. – 272 с.
15. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 720 с.
16. *Беляков С.С.* Гумилёв сын Гумилёва: Биография Льва Гумилёва. – М.: АСТ, 2013. – 797 с.
17. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Изд. шк. культ. полит., 1995. – 759 с. – С. 281 – 298.
18. *Щедровицкий Г.П.* Методологические замечания к проблеме происхождения языка // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Изд. шк. культ. полит., 1995. – С. 299–316.
19. *A History of Russian Thought / Ed. by W. Leatherbarrow, D. Offord.* – Cambridge; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010. – 466 p.

Поступила в редакцию
16.09.2019

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.236-250

**“The Last Genius...” or People Should Know Their Heroes
(Yuri Knorozov’s New Biography)**

[Review: Ershova G.G. The Last Genius of the 20th Century. Yuri Knorozov:
The Researcher’s Fate. Moscow, RGGU, 2019. 798 p. (In Russian)]

*D.E. Martynov**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru*

Received September 16, 2019

Abstract

The paper reviews the first voluminous biography of Yuri Valentinovich Knorozov (1922–1999), which was written by his follower G.G. Ershova, the current head of the Mesoamerican Educational and Scientific Center in the Russian State Humanitarian University and a number of commercial educational projects in Guatemala and Mexico. The main and internationally recognized achievement by Yu.V. Knorozov is his decoding of the ancient Mayan script in the 1950s and the subsequent translation of all preserved Mayan manuscripts. For 30 years, Yu.V. Knorozov led the group of researchers, who deciphered ancient scripts in the *Kunstkamera*, thereby trying to develop the concept of ethnic semiotics. In 1956–1990, Yu.V. Knorozov’s group, with varying degrees of justification, made attempts to decrypt rongo-rongo – ancient Easter Island glyphs and the archaic writing of Indus Valley civilization. The mathematical methods developed by the group for studying the forgotten writing systems were highly appreciated by the international community. The main achievements of Yu.V. Knorozov are associated with Mesoamerican studies.

The most important advantage of Yu.V. Knorozov’s biography written by G.G. Ershova is that she clarified two episodes of his life that have been strongly mythologized, even by Yu.V. Knorozov himself. Firstly, these are the circumstances, under which he decided to decipher the Mayan writing. Secondly, the origin of dictionaries and facsimile editions of the Mayan codes that he used to carry out the decryption. Despite significant omissions and distortions stemming from the author’s personal bias, the first biography covering all the events of Yu.V. Knorozov’s life shows both further problems and potential approaches regarding complex reconstruction of his intellectual legacy. One of the most important problems is the study of the theory of fascination in the context of the philosophical works of B.F. Porshnev and G.P. Shchedrovitskii published in the 1960s and 1980s, respectively.

Keywords: Yuri Valentinovich Knorozov, Galina Gavrilovna Ershova, ethnic semiology, decryption of forgotten scripts, Mayanists, academic biography

References

1. Davletshin A.I., Belyaev D.D. Harappan language. In: *Yazyki mira: Drevnie reliktovye yazyki Perednei Azii* [Languages of the World: Ancient Relic Languages of the Western Asia]. Moscow, Academia, 2010, pp. 186–196. (In Russian)
2. Ershova G.G. *Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve* [Ancient America: A Flight through Time and Space]. Moscow, Aleteiya, 2002. 392 p. (In Russian)
3. Ershova G.G. Yuri Valentinovich Knorozov. In: Sevost’yanov G.N., Marinovich L.P., Mil’skaya L.T. (Eds.) *Portrety istorikov. Vremya i syd’by* [Portraits of Historians. Time and Fates]. Vol. 3: Antiquity and Middle Ages. Moscow, Nauka, 2004, pp. 474–491. (In Russian)
4. Ershova G.G. *Maiya. Tainy drevnego pis’ma* [The Maya. Secrets of Ancient Writing]. Moscow, Aleteiya, 2004. 296 p. (In Russian)

5. Ershova G. *Epigrafía maya. Introducción al método de Yury Knórosov*. Guatemala, Centro Editorial Vile, 2013. 344 p. (In Spanish)
6. Ershova G.G. Spiritual feat in the history of Buddhism of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya*, 2018, vol. 63, no. 4, pp. 1156–1176. (In Russian)
7. Ershova G.G. “A child of Stalin’s time”: On the life and creative legacy of Yu.V. Knorozov. *Novyi Istoricheskii Vestnik*, 2018, no. 3, pp. 135–155. (In Russian)
8. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: sotsial’nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow, Krug”, 2011. 560 p. (In Russian)
9. Agranovskii A.A. *Schastlivye: Ocherki o molodykh sovetskikh uchenykh* [Happy People: The Essays on Young Soviet Researchers]. Moscow, Mol. Gvardiya, 1958. 80 p. (In Russian)
10. Korsun S.A. Yu.V. Knorozov: Academic Biography. In: *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g.* [Radlovskii’s Collection of Papers: Research Works and Museum Projects of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in 2013]. St. Petersburg, MAE Ross. Akad. Nauk, 2014, pp. 109–116. (In Russian)
11. Solomon C. *Tatiana Proskouriakoff: Interpreting the Ancient Maya*. Norman, Univ. Okla. Press, 2002. 218 p.
12. Kuz’mishchev V.A. The history of a scientific inquiry. *Nauka i Zhizn’*, 1967, no. 9, pp. 129–135. (In Russian)
13. Berezkin Yu.E. *Mify zaselyayut Ameriku. Areal’noe raspredelenie fol’klornykh motivov i rannie migratsii v Novyi Svet* [Myths Settle in America. Areal Distribution of Folklore Motifs and Early Migrations to the New World]. Moscow, Obshch. Gumanit. Izd., 2007. 359 p. (In Russian)
14. Ivanov V.V. *Ot bukvy i sloga k ieroglyfu: Sistemy pis’ma v prostranstve i vremeni* [From Letters and Syllables to Hieroglyphs: Writing Systems in Space and Time]. Moscow, Yaz. Slav. Kul’t., 2013. 272 p. (In Russian)
15. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoi istorii: Problemy paleopsikhologii* [On the Early History of Humans: Problems of Paleopsychology]. St. Petersburg, Aleteiya, 2007. 720 p. (In Russian)
16. Belyakov S.S. *Gumilev syn Gumileva: Biografiya L’va Gumileva* [Gumilev, the Son of Gumilev: Lev Gumilev’s Biography]. Moscow, AST, 2013. 797 p. (In Russian)
17. Shchedrovitskii G.P. A scheme for mental activity – system and structure, sense and content. In: Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Izd. Shk. Kul’t. Polit., 1995, pp. 281–298. (In Russian)
18. Shchedrovitskii G.P. Methodological notes on the problem of language origin. In: Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Izd. Shk. Kul’t. Polit., 1995, pp. 299–316. (In Russian)
19. *A History of Russian Thought*. Leatherbarrow W., Offord D. (Eds.). Cambridge, N.Y., Cambridge Univ. Press, 2010. 466 p.

Для цитирования: Мартынов Д.Е. «Последний гений...», или страна должна знать своих героев (о биографии Юрия Кнорозова) [Рец. на кн.: Ершова Г.Г. Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. – М.: РГГУ, 2019] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 236–250. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.236-250.

For citation: Martynov D.E. “The last genius...” or people should know their heroes (Yuri Knorozov’s new biography) [Review: Ershova G.G. The Last Genius of the 20th Century. Yuri Knorozov: The Researcher’s Fate. Moscow, RGGU, 2019]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 236–250. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.236-250. (In Russian)